Бесы и люди.

(Название временное, более подходящего не придумал.)

Деревня нелюдов была выжжена до тла. Останки жителей были брошены нападавшими прямо в пылающие строения в искренней надежде уничтожить свидетельства существования сего бесовского племени. Однако сейчас на руинах хозяйничал нищий, раскапывая пепел и выковыривая из-под обгоревших развалин все более-менее ценное, что не растащили напавшие. Куски оплавившегося металла, глиняные горшки, посуда, вазы, обруч от бочки – любая мелочь аккуратно извлекалась и складировалась в тележку. У нищего дрожали руки, не столько от трупного смрада и чувства брезгливости, сколько от слабости и голода. Здесь не было ничего съедобного, оно обязано было сгореть, но среди кучи хлама может найтись что-то ценное. Поэтому нищий рылся очень основательно, буквально разнося дом за домом, а точнее останки домов, постепенно расчищая все вокруг наподобие трактора. Большей частью дома были деревянные, из-за чего в деревеньке сейчас образовался плотный налет сажи, которую также можно было применить к делу. Почти все спасенные горшки до верху были набиты ей, а остальное собрано и высыпано у края деревни в большую кучу. Зола мешала видеть и, с учетом начинающегося дождя, обратилась бы в щелочь и пожгла бы руки. Один дом исчез, второй, третий. Обгоревшие балки и доски стали основой для будущего костра, греться-то ночами надо чем-то, а вот пищи так и не нашлось. Зато нашлось ведерко и колодец, после пробы добыть воды, нищий понял, что внутри плавает труп, вынул оный и похоронил. Другой на его месте не стал возиться с бесолюдом и закопал колодец в лучшем случае, но бедняк имел одинаковое отвращение ко всем живущим, куда более благосклонно принимая мертвых, не могущих ему навредить. После некоторого колебания вместо надгробия на могилу был выставлен крупный камень из забора местного старосты, а взамен подношения был принесен черепок с водой все из того же колодца.

Начался ливень, нищий копал, вздрагивая от холода. Четвертый дом. Пятый… восьмой…. Всего пятнадцать дворов, по пять – десять человек в каждом. Столько тел, столько трупов. Дома прогорели насквозь, даже скрывшись в подвалах, жители нашли смерть от огня и обрушившихся собственных жилищ. У кого-то сохранились волосы, у кого-то часть лица, кто-то сжимал в руке бесовской девятиугольник - символ их религии. Нищий равнодушно взирал на мертвецов, вот только среди них оказался ребенок – девочка лет пяти, едва живая, истощенная и непонятно как уцелевшая, поскольку жар пламени спалил все вокруг, обратив в пепел даже ее одежду, но не ее саму. Нищий вынес ее с пепелища и положил в телегу, завернув в свой грязный промокший плащ, впрочем, ничего другого у него не было, да и сам мародёр вымок до нитки. Вместо воды из колодца, отравленной трупным ядом, девочку напоили дождевой водой, куда более безопасной, но не менее грязной. На этом реанимация окончилась, нищий пошел ломать дома, девочка осталась лежать в телеге, слегка прикрытая от дождя навесом из разбитой бочки. Вскоре от деревни остались лишь ямы погребов и остовы заборов, весь хлам был рассортирован и разложен по кучкам: там мелкие черепки, тут крупные, здесь расплавленные куски металла, тут уцелевшие предметы в хорошем состоянии, чуть дальше – доски и материалы еще годные к употреблению. Нищий знал своё дело и действовал достаточно быстро из опасения, что появятся солдаты или бандиты, да вообще кто бы ни явился – добра не жди. Уже на третий день дело было сделано, и наиболее полезный хлам, заполнил тележку, а остальное было разбито в пыль, сожжено и высыпано в одну из ям. Тем более что разрушенное состояло из одних глиняных черепков и кусков досок. Все эти дни девчонка провалялась без сознания, нищий кормил и поил ее, тем, что поймает, а это редко была приличная вещь: слизни и жуки-пискуны с ладонь величиной – вот и вся дичь. Зачем он это делал, наверное и сам не ведал, хотя стоило позаботиться о себе в первую очередь: после того дождя нищий основательно простыл и несмотря на жар, потянул тележку к знакомому

поселению, чтоб обменять добычу на еду и одежду.

Поселение Омфи находилось в стороне от больших дорог, да и вообще от крупных городов. Чиновники и феодалы редко показывались в здешних краях, потому что земля являлась общинной, и посторонние изгонялись с нее самым грубым образом. За исключением сборщика податей и торговцев тут редко принимали гостей. Население, состоявшее из людей, впитав вековые религиозные правила, считали бесов злом и при этом никогда не видели ни единого их представителя. Это внушало надежду что девочку, а вместе с ней и спасителя не вздернут на суку. Нищий осторожно помахал рукой крестьянам и, поняв, что те признали его, вкатил тележку за частокол.

- Чего привез? – обступили нищего со всех сторон и сразу приметили ребенка, - Что за дела? Что это за дитя и откуда?

В отличие от человеческих детей малышка обладала смуглой кожей и острыми, как бритва зубами, кои сейчас были сжаты и оттого незаметны. Впрочем, оставались и другие мелкие детали, по которым будь девочка в полном здравии, ее бесовское происхождение выдало б себя самым очевидным образом.

- Подобрал на пепелище, - кашлянул нищий, и охнув сел прямо на землю, - Мне нужны кое-какие травы и по возможности попариться в бочке, но сперва поесть. Ее не трогайте, о ней я сам позабочусь.

Какими бы ни были люди, они всегда готовы переложить ответственность на другого, тем более, если есть тот, кто сам взвалил на себя бремя. В редких случаях чужое дитя принимают в семью, а когда у самих восемь ртов, то скорей даже своих готовы продать. Женщины про себя сочувствовали девочке, но этот бродяга успел запомниться крестьянам своим упрямством и неразговорчивостью, а главное тем, что не соврал ни единого раза. «Его обещания стоили золотого» - эта пословица идеально подходила нелюдимому страннику с тележкой. Умирал ли он от голода, мерз ли от мороза – нищий не просил о помощи и не побирался, просто делал свое дело, находя тут и там подработку или материалы на продажу. В такое неспокойное время, когда церковь устроила массовые гонения бесов, часто возникали восстания и бандитские набеги, городки и села оставались разграбленными и разоренными, а после появлялся человек с тележкой и забирал оставшееся.

Кузнец сразу забрал металл, про себя порадовавшись находке небольшого куска серебра в общей куче, нищий впрочем отлично знал об этом фрагменте драгоценного металла, но не способный сплавить из него монеты или украшение он подозревал, что и ювелиру продать его не сумеет. Ювелиры все в городах, а туда нищие допускаются крайне редко, в основном во время религиозных молебнов и государственных праздников. Ну или за взятку. Горшки, утварь и золу растащили хозяйки, древесину плотники и прочий люд кому требовалось подлатать дом или смастерить новые кормушки для скота. В уплату были предложены: котелок похлебки, ночлег и припасы на дорогу. Староста подозвал семью, в прошлый раз принимавшую странного гостя и велел нагреть воды, как было условлено, одежду для нищего и девочки выдал из собственного сундука, благо для жизни общины сей странник был важен как источник новостей и необходимых товаров. Это сотрудничество в прошлом принесло немало пользы. Бродяга повстречал бандитов и те, посмеявшись над ним и поколотив просто для забавы, отпустили несчастного на волю, вот только последний услышал много лишнего и, подобрав раскиданный груз, шустро покатил тележку к Омфи, чтобы предупредить о налете. Негодяи попались в расставленную крестьянами ловушку и поплатились жизнью. С той поры жители признали странника и охотно принимали его в благодарность за спасение.

- Ну как там? – негромко спросил староста, подойдя к нищему вплотную, этот разговор не предназначался для посторонних, - Все спокойно?

- Ммг, - кивнул оборванец, - Паладины распугали всех воров в ста лигах.

- А бесы? Ты их видел?

- Может в лесу. На равнинах всех вырезали, недавно там был.

Новости радовали, священная резня принесла больше пользы, чем ожидалось. Бесы, конечно, не самые лучшие соседи, но всякие головорезы - куда хуже. Так что староста вздохнул с облегчением и приступил к расспросам о других местечках и деревеньках. Отгороженный от остального мира частоколом, Эмфи жил своей жизнью, но для процветания этого мало, инструменты имеют свойство ломаться и тупиться, глина сама себя не привезет, да и ткань для пошива одежд не появится из воздуха. Нужна торговля, нужны деньги. Поселение выращивало репу и пшеницу, была морковка, но очень немного, только для своих, вкупе с луговыми травами это составляло основу рациона крестьян. Возле деревни имелся небольшой лесок, луга и приличное пастбище, вот только скотины почти не было из-за слухов, что бесов привлекает кровь животных. В основе слухов скорей всего лежали факты хищений скота оголодавшими лесными бесами, и надо признать немало крестьян пострадало во время попыток вернуть похищенное имущество.

Нищий с удовольствием окунулся в горячую воду и блаженно потянулся руками вверх, хрустя суставами, будто пытался сломать пару костей. Затекшее тело, продрогшее и измотанное тяжкой работой, буквально пело от счастья, однако не только сам факт помывки, но и предстоящая трапеза домашним горячим супом радовали бродягу. Девочку он прихватил с собой, искупал и завернул в простынь, любезно предоставленную хозяевами дома. Одежда старосты пришлась гостю почти впору: и тот и другой были тощи, правда один из-за старости, а второй из-за недоедания. Нищий впервые за долгое время почувствовал себя человеком, впрочем, отлично осознавая временность сего состояния. Во время обеда его не тревожили, да и кому оно надо в разгар дня лезть с расспросами, если за сегодня надо переделать кучу работы. От сытной трапезы и лекарственных отваров бедняк стал сонлив, но прежде, чем идти спать накормил ребенка, и, обняв ее, уснул на лавке в углу комнаты. Обоих лихорадило, простуда крепко задела их, зато к рассвету, согревшись теплом друг друга и пропотев под теплым одеялом – заметив, как бедолаги стучат зубами, хозяйка сжалилась над ними и накрыла их отрезом плотной ткани, предназначенной для пошива мешков – состояние нищего и девчонки заметно улучшилось.

Проснувшись поутру, гость освежился водой из бочки с дождевой водой, сняв верхнюю одежду для просушки: после обильного потоизлияния в такой ходить нельзя, привяжется болячка покрепче простуды. Хозяйка не ожидавшая узреть гостя в таком виде пришла в смятение, но в ее голове давно сложился образ этого человека: их гость был несколько бесстыден и груб. Впрочем, кроме того его тело изрядно отличалось от всех виденных ранее в бытность молодости. Что парни, что девки иной раз любили подсмотреть за иным полом в угоду утоления похотливого интереса. С течением времени это прошло, вот только сейчас сорокатрехлетняя женщина почему-то снова вспомнила то чувство, хотя нищий как вероятный любовник никогда не значился, и сама мысль об этом не могла родиться в ее голове. Он был из другого мира, из плохого, убогого, голодного и холодного, где царит смерть и воют ночами бесы. И именно этим нищий привлекал ребятишек. Возможность послушать о жизни извне давала пищу для фантазий, однако и взрослые интересовались не проходил ли он мимо деревень, где живут их дальние родственники, не видел ли короля, какие цены на отрезы льна в этом году и что случилось возле границы горной гряды Азельтнем. Вопросов имелось много,

чаще ответов нищий не знал, но были и вполне подробные сведения о передвижениях банд, рыцарей, священных воинств, слухах о появлении бесов-партизан и свирепых зверях. Судя по этому, староста решил, что перед ним бывший разведчик старой истрианской гвардии разгромленной шесть лет назад в бою с генералом бесов Гаргивером. Глупо было отказываться от такого подарка судьбы, тем более он сам пришел и помог организовать оборону от бандитов.

После завтрака нищий собрал вещи, и потащил телегу на юг, туда где предполагалась битва, он хорошо знал это, поскольку следы копыт вели из сожженной деревни именно туда. Бесовка спала, похоже у них тела более слабые чем людские и времени на восстановление нужно больше. Крестьяне захлопнули за ними ворота и позевывая отправились по делам. Ничто не мешало путешествию, единственная угроза жизни лежала посапывая рядом с мешком припасов. Встреться на пути патруль церковной братии и обоих ждет костер. Впрочем, на этот случай имелся козырь, но лучше решить дело миром. Вскоре девчонка проснулась, окружающие вещи и пейзаж мало напоминали о родном доме, от одеяла и груза явственно пахло людьми. Вспомнив погром, бесолюдка вскрикнула от ужаса и закричала снова, когда нищий остановил тележку и обернулся на шум. Страх сковал ребенка, а убежать сил просто не имелось. Один из тех страшных людей, коими пугали непослушных бесенят, теперь стоял перед ней и протянул руку, чтобы сделать больно, мучать и пытать, как делали его сородичи с другими бесами, как было с мамой и соседями. Отца убили гораздо раньше случайные путники, оказавшиеся религиозными фанатиками. В этой части страны бесолюдам жилось плохо, ведь по сути они считались вторженцами. Правитель бесов насильно переселял слабых на людские земли, чтобы с их помощью укрепиться и получить больше сведений о силе людей. К тому же это отвлекало церковь и солдат от более насущной проблемы: подготовки оборонительных укреплений на границе владений. Бесы-нелегалы сталкивались с патрулями, с фортами и гибли один-два раза, оставшиеся искали пути обхода, и если им удавалось обосноваться на землях людей, это значило, что там оборона слабее всего и оттуда можно вести наступление. Подобных брешей уже насчитывалось с полсотни, а религиозные гонения просто-напросто мешали сосредоточению человеческих сил из-за боязни партизанской войны в тылу.

Мозолистая и грубая рука легла на голову девчонки, осторожно и мягко, пальцы зарылись в шелковистые волосы, и ладонь двинулась вправо, скользнув по локонам и вернувшись обратно. Нищий улыбался также как когда-то мама и папа, только во взгляде сквозило одиночество и грусть.

- Не кричи, - тихо пробормотал бродяга, - Солдат накличешь, нас убьют. Мне не охота умирать, а тебе?

Бесовка сжала зубы и в глазах блеснули слезы. Человеку нельзя верить, люди – зло. Вот только ноги едва держат и куда бежать не понятно. Мамы и папы больше нет, если кто-то выжил то скорей всего ушел в лес, но лес большой и в нем полно диких зверей. Нищий насильно усадил девчонку, накрыл одеялом до самого горла и, покопавшись в мешке, достал яблоко.

- Погрызи, сил придаст.

После этого он взялся за оглобли и продолжил тянуть тележку. За много часов ни один из них не произнес ни слова, бесовка терзала фрукт острыми, как иголки резцами, изливая на него таким образом свой страх, ненависть и печаль от утраты родного человека.